

Летний обзор литературных публикаций мне хотелось бы начать с прекрасной подборки *Ирины Евсы*, вышедшей в журнале «Знамя» (номер 8, 2021). Здесь всего в изобилии – и гудящей плотности жизни, и вещественности, почти гиперреальности каждого образа, и зоркого взгляда, подмечающего все детали. Развеществляя, убирая ненужные имена, Ирина Евса возвращает местам их истинную сущность, их пряный запах и цвет. И Крым – татарский, русский, украинский – потерянный Эдемский сад, место политических и территориальных распрей, лишаясь наносного, видится наконец в истинном свете, словно бы глазами ребенка. Лирический герой перенимает детскую способность давать имена, называть вещи по-своему: «Даровали слизню имя – Три Толстяка, / пауку – Самсон, пятнистой лягушке – Молли», и в этом есть своя правда и торжество.

ПАМЯТИ ПОЛУОСТРОВА

Дом открыли, флигель. Шорохи тростника
запахнули в глечик. Кофе, спеша, смололи.
Даровали слизню имя – Три Толстяка,
пауку – Самсон, пятнистой лягушке – Молли.

Навелили пляж. Базар обозрели, где
разведённый спирт назвали татарской чачей,
черенком листа – червя в дождевой воде,
продавца чурчхелы – дерзким вождём апачей.

Дополняя смыслом, но не лишая прав,
всяку тварь живую мы воплотили в паре
с новоязом пришлых, сущее переврав.

И уснули, рухнув. Господи, как мы спали!

Ничего не слыша. Навзничь, потом ничком.
Сны овечьей шкурой пахли и молоком,
по краям холмов цикорием голубели.
Дул левант. Клешнями крабы скребли по дну.
Мы проспали голод, смуту, позор, войну,
наводнение в Ялте, засуху в Коктебеле,

передел пространства, времени торжество
над сиротской речкой, что по ущелью вьётся.
И проснулись там, где не было ничего.
И забыли напрочь, как «ничего» зовётся.

Стихи *Павла Грушко*, опубликованные в журнале «Знамя» (номер 8, 2021), говорят о жизни, войне и памяти с порой удивляющей и обескураживающей прямоотой. Поэт использует автобиографические факты: «Первый ребёнок – сестра, худенький воронёнок», но не ограничиваются личным, выходят за его пределы, словно бы подсвечивая опыт других, выхватывая их истории из общего военного нарратива: «Плачут, обнявшись, двое, – две ноги на двоих». Монотонная форма трёхстиший действительно напоминает блюз, медленное тягучее кружение памяти, почти медитативное проговаривание. От войны к любви, к торжеству жизни и нового рождения: «И не рождённые дети препираются: чей черёд». Мне нравится жизнеутверждающий настрой этих стихов, которые, отражая весь ужас и несправедливость жизни, всё же не разучились смеяться и делиться внутренним светом, потому что «Отдавать очень важно, было бы только – кому».

БОСТОНСКИЕ БЛЮЗЫ

1. Любящие обнимаются, – юность своё берёт.
Любящие целуются, – юность своё берёт.
И не рождённые дети препираются: чей черёд.

Женщина-лилипутка лукаво глядит на меня:
как только такого верзилу может носить земля.
Как звать малышку? Возможно, Ми, но скорее – Ля.

Всегда на этом углу я слышу запах сирени.
Даже в морозный день – слышу запах сирени.
Та женщина пронеслась, будто ветер весенний.

Похоже, что я люблю невысоких блондинок.
Так вышло, что я люблю невысоких блондинок.
Бывает, что и высоких толстоватых латинок.

Я иногда приседаю, поза моя смешна.
Подгибаю колени, – поза моя смешна.
И мир, – каким его видит маленькая она.

Прошу тебя, привези мне в подарок что-то одно.
Какую-нибудь открытку, или камушек, – всё равно.
Я твои пальцы пригублю, – и губы твои заодно.

Было бы что отдать, всегда найдётся кому.
Отдавать очень важно, было бы только – кому.
Всё Маше отдам, а себе её улыбку возьму.

Поэзия *Валерия Шубинского*, которую можно прочесть в журнале «Волга» (номер 7, 2021), полна экзистенциального течения жизни, всё в ней находится в непрерывном движении, перетекает из одного состояния в другое. Только человек словно бы спрятан сам в себе и непостижим. Это мир тёмный, почти хтонический, будто всплеск ночной реки, беспощадный, как течение времени. О чём нам говорит это стихотворение: о невозможности отражения мира в языке, о несовершенстве его механизмов, «О том, что руку протяни.../ Но нет, ладонь пуста». Вот и всё, и нет больше магического золота, нет ответа – одни осенние листья да труха в сундуке. Но порой случается так, что значение имеет не ответ, а правильно заданный вопрос.

* * *

О чем сигналият нам огни
двугорбого моста?
О том, что руку протяни...
Но нет, ладонь пуста.

О чем шумит наоборот
текущая вода?
О том, что ей наполнишь рот –
и больше никогда.

О чем гудит машин поток
на трассе кольцевой?
О том, что памяти исток –
в гримасе лицевой.

О чем грохочет по мосту
из пункта Б состав?
О том, кто подойдет к мосту,
ничем себе не став.

Протянет руку, там огни,
берет огни рукой.
О чем не говорят они?
О том, кто ты такой.

В журнале «Дружба Народов» (номер 7, 2021) можно найти стихотворение *Натальи Изотовой*, в котором время идёт как бы наоборот, сшивая три столетия на одну нитку. Казалось бы, где же связь

между нашими ковидными временами, необозримым будущим и внезапно... Серебрянным веком? Благодаря перчатке, столь характерной детали, лирический герой, а точнее сказать, героиня вдруг перемещается в прошлое. В стихотворении очень много отсылок к Ахматовой, и не только интонационных, но и прямых, так жёлтый свет фонарей отсылает нас к «Только в спальне горели свечи / Равнодушно-жёлтым огнем». Этим стихам характерно кропотливое нанизывание образов, напоминающее творения из кусочков ткани. Как прекрасно подметила сама Наталья в другом стихотворении из подборки: «Я платья вырастила телом / Из серой карандашной точки» – и этот демиургический мотив шитья, и лирическая героиня – почти мойра – проходят сквозь всю подборку.

* * *

Идёшь по едва освещённому снегу ночному
к строению старому, сто двадцать пятому дому.
Живущий в начале столетия двадцать второго,
навстречу мне движешься. Здесь я, жива и здорова.
А сможешь ли ты рассмотреть в непроглядье морозном,
насколько лицо моё в эту минуту серьёзно?
Когда надевала перчатки и снова снимала,
а время к рукам прилипало комками крахмала,
в уме рисовалась... ты знаешь какая картина?
Ахматова в профиль, не знающая карантина
начала двадцатых годов двадцать первого века,
но всё же в перчатках, и тени шептали: «Аптека».
Нам выпали кости иной эстетической масти,
фонят на асфальте столбы фонарей из пластмассы,
улыбки в руке, колобки подстекольные жёлты.
Вся жизнь впереди, ты идёшь и идёшь, куда шёл ты

Также в журнале «Дружба Народов» (номер 7, 2021) вышли «Новые нравоучительные стихотворения Ремонта Приборова» авторства *Бахыта Кенжеева* – прекрасная постмодернистская стилизация, литературная шутка, пародия на наше прошлое и современность. Стихи якобы написаны другом поэта, Ремонтом Приборовым, с которым Бахыт Кенжеев познакомился во времена, когда более сорока лет тому назад отправился «получать новый паспорт взамен утерянного». Лучше всего Ремонта Приборова характеризуют такие слова уважаемого Бахыта: «Ремонт Приборов – один из тех поэтов, настоящий расцвет которых начался с переходом России к рыночной экономике (...) Вдумчивый читатель отметит некоторую противоречивость эволюции поэта от коммуниста к демократу...», но,

несомненно, Ремонт Приборов – просто кладезь талантов. А чтоб в этом убедиться на практике, читайте всю подборку.

12

Друзья! Свообразен гений, сжимая кисть или резец.
Он – ключ великих откровений и праведности образец.

Вот, скажем прямо, ваш покорный. Добытчик, повар и пиит.
Не знает он печали чёрной, не пьёт, в постели не храпит,

Зато в искусстве понимает с весёлой песней на устах,
И маски с морды не снимает, грустя в общественных местах.

Когда вселенский ветер дует в лицо, сбивая нас с пути,
Не зря поэт рекомендует мораль и нравственность блюсти.
В разгаре страстного ли чата, иль слыша от жандарма «стой!» –
Учитесь, дети и внучата, ключам гармонии святой!

В стихотворении *Игоря Ильина*, опубликованном в журнале «Зеркало» (номер 58, 2021), тесно переплетаются эрос и танатос, трогательная потребность к близости и её же отрицание, предельная откровенность и невозможность взглянуть на самого себя со стороны без отвращения. Герои ищут любви, но находят лишь непонимание («но не узнаем мы и не поймем (друг друга)»), им не хватает силы духа открыться, стать настоящими. А яблочко все катится по кругу, и умирается легко и страшно. И всегда – в одиночку.

КРАСОТА

- Ты, что ли, вообще никогда не кончаешь?
- Только не с клиентами.
- А с кем тогда?
- С мужем.

Из беседы проститутки с клиентом

Моей вам красоты не увидать.
Мое уродство ближе и понятней.

Свет мой, зеркальце, заткнись.

Я не могу открыться вам таким, каким родился, выжил и живу.
Мне не хватает воли, смелости, отваги.
Мне не хватает силы духа, слов, чтоб описать всего себя таким,

какой я есть – прекрасный в этой, недоступной даже мне, избыточной, кроваво-красной красоте.

Лети, лети лепесток, к едрене фене.

Мой мальчик милый,
я тебя хочу.

Ты никогда не вытянешь наружу и не подашь мне руку,
не станешь посреди стола и не расскажешь нам стишок
о том, какой бесстрашный ты.

Ты будешь медленно отчаянно стареть.

Во мне и в одиночестве – стареть,
стараясь не убить меня

дыханием своим надменным и
прекрасным,

как те, как тот, невысказанный наш сон –
безумный, ослепительный, уродский...

и ты – несчастная, небесная моя –
распущенная, стыдная, чужая...

Катись, катись, яблочко, к чертям собачьим...

И нам останется лишь мой усталый вздох,
мой первый, первый настоящий,
мой солнечный, прекрасный и последний –
выдох.

*...и яблочко покатится по кругу,
чтоб что-то нам такое рассказать,
но не узнаем мы и не поймем (друг друга),
и не запомним то, как нам двоим
вот так с тобой легко, легко-легко в обнимку,
вот так легко-легко,
легко и страшно
умирать.*

Мир стихотворения *Евгения Никитина*, чья подборка вышла в журнале «Зеркало» (номер 58, 2021), очень зыбок и иллюзорен, и, словно в Матрице, постоянно подвергается метаморфозам и перестановкам. Лирический герой, запертый в клетку квартиры, чувствует и видит железную руку системы, но не может вырваться из этой реальности. Даже комар в конце стихотворения обретает монструозные черты. Весь текст пропитан какой-то кафкианской безысходностью, и остаётся только отчаянно биться о стены, потому что тюрьма повсеместна, и даже свобода в нём превращается в «свободку», практически в новостную сводку, в территорию тотальной несвободы.

* * *

Я слышу сквозь тонкие стены,
как двигает мебель сосед.

Я чувствую ветер системы.
Я знаю, во что он одет.

Я вижу сквозь перегородку,
как он отгрызает проводку,
как воду из крана, железную воду,
вбирает в себя, как чужую свободу,
точнее, свободу.

И волос его, полагаю,
сорвавшись, слетает на Галю.
И волос его, как удавка.
Седой, как у Дарка.

И вот на стене, без усилия,
комар растопырил громадные крылья
и хоботом бьет по обоям,
как бешеный дятел, отчаянным боем.

Сквозь стихи *Вадима Муратханова*, опубликованные в журнале «Новая Юность» (номер 3, 2021), смотришь, как сквозь прозрачное увеличительное стекло, в котором всё кажется выпуклым и обозримым. Музыка в этой подборке оказывается под угрозой исчезновения: «Глория Гейнор / брошена в контейнер», но одновременно же она – боевой клич к жизни, мёртвая и живая вода, неостановимая сила, голос Негритянки на пластинке. В этих попытках сохранить музыку: «И Интернет хранит из сил последних / всё, чем гордился сломанный кассетник», – перенести всё дорогое сердцу в вечность (даже если это бумажная вечность фотоплёнки), есть что-то очень близкое и родное.

*

Точка на синем овале
с края на край ползёт.
Озеро переплывали.
В лодке звучал «Пинк Флойд».

Волны плескались в колонках,
слышался скрип весла,
словно тот вечер пленка
в вечность перенесла.

В журнале «Новая Юность» (номер 3, 2021) была опубликована подборка *Ганны Шевченко*, в которой «темнота уже близка», а лирический герой стоит перед лицом беспросветного ужаса – и не отводит глаза. Это поэзия стоицизма, «поэзия-сквозь-сжатые-зубы»,

наперекор всему. Пространство перестаёт быть обжитым и безопасным, даже город превращается в место боевых действий: «я улицу сниму с предохранителя, / благословлю на травлю корпуса». Это стихи о проживании травмы, о войне, которая преследует повсюду и о невозможности пропустить её сквозь себя, вытравить из памяти этого коллективного, перемолотого историей «мы». Но, кажется, каждый, называющий себя человеком, обречён говорить следующее: «Синдром земного постояльца – / боль, затаенная внутри».

* * *

Выращивая лилию убожества,
подкармливая пагубную страсть,
в Донбассе родилась одна из множества,
а, может быть, еще не родилась.

Мы все – одно. Мы все одна история,
и если путь укажет коногон,
засветится на карте траектория,
затеплится под окнами огонь.

Поэзия, пока твои ценители
рассматривают злые небеса,
я улицу сниму с предохранителя,
благословлю на травлю корпуса.

Поёт Ротару, Пугачева, Пьеха ли,
любая песня глупая – про нас;
везде Донбасс, куда бы мы ни ехали,
повсюду жуткий, солнечный Донбасс.

Мне нравится задор стихотворения *Игоря Иртеньева*, опубликованного в журнале «Урал» (номер 8, 2021), его залихватский и одновременно (само)ироничный взгляд. Это плотные образные стихи, полные словесных метаморфоз, но игра слов здесь всегда подчинена смыслу, и в результате получается постмодернизм «с человеческим лицом». Лирический герой идёт по жизни легко, сквозь эту яркую, смешную, горькую... одним словом, такую разную жизнь. Он умеет посмеяться над другими, но прежде всего – над собой, и стихи его можно сравнить с приносящей утешение и смиряющей боль таблеткой: «Да, и выглядеть хотелось бы, конечно, моложе / Той улитки, что по склону Фудзи двести лет, почитай, ползёт».

Я ел в гостях у попа собаку,
На пари с Акоюном глотал кинжал,
Поднимал взвод в паническую атаку
И подряд тело в жидкость пять раз погружал,

Пытаясь опровергнуть закон Архимеда,
Который был писан всем, но только не мне,
Ложился под утро, спал до обеда,
Скрипя, как вурдалак, зубами во сне.

Издавал все звуки, включая те, что
При дамах не принято издавать,
Извлекал подтекст из любого текста,
Исключая разве что «ё... твою мать»,

Который лишь ханже представляется пошлым,
Ну и хрен с ним, что с убогого взять.
Мне семьдесят три исполнилось в прошлом
А в будущем стукнет семьдесят пять,

Надеюсь, что не по темени все же,
Но это уж, правда, как повезёт.
...Да, и выглядеть хотелось бы, конечно, моложе
Той улитки, что по склону Фудзи двести лет, почитай, ползёт.

Подборка *Эвелины Шац* «Московский текст», опубликованная в журнале *«Дети Ра»* (номер 6, 2021), полна буйства красок и какого-то совершенно южного кружения. Перед нами предстаёт Москва во всех ипостасях и временах, с повсеместно царящим «истории беспамятным развалом». И сквозь эту узкую щёлочку времени призраки прошлого подглядывают в настоящее и уже почти неотличимы от реально живущих людей. В приведённом ниже стихотворении весь мир – не шекспировский театр, но цирк, карусельное кружение на краю вселенной – из жизни в смерть, и наоборот. Пока ничего не останется – только «облака мерцающей вселенной».

ПО КРУГУ ДВИЖУТСЯ МИРЫ ЦВЕТНОЙ БУЛЬВАР

Забрызган редкой зеленью бульвар
тьма опрокинулась на пойму
а в цирке, где-то изнутри
взорвалась тьма цветочным торгом
и карусель огней объяла
арены звездное пространство.

По кругу движутся миры
верблюды проплывают по бульвару
как корабли другой страны
и балерина на пуантах проходит по канату
что цирк над миром протянул
питейную Москву затмив и доказав еще раз:
мир – представление, театр – жизнь
а люди на Цветном бегут
из жизни в жизнь, от смерти к смерти
билетик прикупив на страсти, что под куполом
кружат кольцом бульварным, из строки
окрест Москвы, бегущей в никуда
как облака мерцающей вселенной

Афористичность мысли *Кати Капович*, чьи стихи также были напечатаны в журнале «**Дети Ра**» (номер 6, 2021), и склонность поэтессы к лаконичным и исчерпывающим высказываниям проистекают от полноты её формулировок: «в мире красота сильнее правды / и душа счастливее ума». В нижеприведённом стихотворении непосредственность ребёнка («Эй, крановщик, возьми меня наверх!») соединяется со зрелым осмыслением жизни, к пониманию её скоротечности. Жизнь моя и одновременно не моя, и не наглядеться на неё – промелькнёт, как вспышка, и только крановщик, или Бог видит «единым планом в жизни все и всех».

* * *

Хотелось бы на сосны наглядеться,
на этот двор у мира на краю,
где сохнет на веревке полотенце,
на эту жизнь – мою и не мою.

На реку с берегами из бурьяна,
с подъёмным краном в скошенном лугу.
Мне посмотреть бы вниз с такого крана –
везёт же вот его крановщику!

Он видит сверху с башни вертикальной
единым планом в жизни всё и всех –
зеленый город, реку, сквер вокзальный...
Эй, крановщик, возьми меня наверх!

Замечательна подборка *Аси Векслер*, которую можно прочесть в журнале «**Звезда**» (номер 8, 2021). Эти стихи будто бы написаны с лёгкой руки, они прозрачны и точны в формулировках, поэтическая речь в них течет спокойно и плавно. Но это лёгкое звучание не стоит

путать с легковесностью, поэзия Векслер говорит о жизни и смерти с удивительной прямоотой, которой обладают лишь те, кто смогли перекинуть мостик между явью и небытием. Эти стихи приоткрывают «промеж миров заслонку», и человек стоит перед вселенной, оглушённый её красотой и масштабом, и чувствует тревожащую сопричастность всему существующему.

АВСТРАЛИЙСКИЙ СЛЕД

По дороге к Мельбурну,
если вверх взглянуть,
поплывёт замедленно
поздний Млечный Путь –

в брызгах, взятых на небо,
в синей мгле сквозной, –
ближе, чем когда-либо:
прямо надо мной.

Дух безбытный вклинится
в кромку бытия.
Напрочь запрокинется
голова моя.

Мыс, что станет с лодочку,
ткнётся, как в причал,
в каменную точечку.
Нет за ней начал.

Раз уж быть конечною,
пусть бы для конца
кануть каплей млечною
на Рукав Стрельца, –

вдруг там уготовано
помнить наизусть,
что командирована
и вот-вот вернусь.

В журнале «Зинзивер» (номер 5, 2021) опубликована подборка *Кристины Зейтунян-Белуос*, чьи стихи говорят с детской прямоотой и непосредственностью об одной из самых больных проблемах человечества – о бездомности и отверженности. По форме напоминающие стихи-зарисовки с натуры, эти тексты буквально парой точных штрихов сумели объять жизнь каждого из парижских «отверженных». И на месте обезличенных фигур мы уже видим реальных людей, которым вместе с фактами биографии и привычками

возвратили субъектность, причастность к «нормальному миру», даже если взаимоотношения с ним порой весьма причудливы. Это стихотворение трогательно именно тем, что оно не пытается играть в сентиментальность или давить на жалость: «стрессов у бомжихи очень много / а фломастер розовый один».

LA VIE EN ROSE (В РОЗОВОМ ЦВЕТЕ)

с розовым фломастером бомжиха
над раскраской бережно склонилась
на тротуаре в розовом пеньюаре
в грязной зато розовой косынке
voir la vie en rose старается бомжиха
хоть не роза а чернуха жечь не жизнь ее
а раскраска модное занятие
антистрессовая терапия
в розовый раскрасить бы дома
и мелькающие мимо ноги
полицейских женщин и мужчин
и собак и тучи грозовые
стрессов у бомжихи очень много
а фломастер розовый один

В журнале «Интерпоэзия» (номер 2, 2021) были напечатаны стихотворения *Бориса Херсонского*, которые отражают реальность, остро реагируя на любую несправедливость, восставая против всего подлого и пошлого. Плотность стихов уважаемого Бориса обуславливается широким культурным диапазоном и меткой наблюдательностью. Эта поэзия провозглашает торжество культуры над бессмыслием, совести над бессовестностью, правды над ложью. И, естественно, это победа поэзии над её уничтожителями и мучителями: «Я победил. Я помнил стихи наизусть», это плач над телом страны, которое ранее «было Господним храмом», а ныне растоптано. Не потому ли «Принц сидит в пивной и плачет у всех на виду»?

* * *

Туман, туман, муторный сон дневной.
Снится принц Гамлет сидящий в советской пивной,
сидит, рассуждает о видах на датский престол,
отхлебнув пивка, тараньку колотит об стол.
На часах одиннадцать. Вредно в такую рань.
Разбавлено пиво, но хороша тарань.
Брюшко раздуто, похоже, дама с икрой.
У одежки принца – датский, средневековый покрой.
Принц ведет себя, как актер, не увлеченный игрой.

Просыпаюсь и думаю – отца уже год как нет.
Убийца – преклонный возраст, лишенный примет.
Хрен его найдешь, в тюрьму его не запрешь,
как клопа не раздавишь, не щелкнешь у ногтя, как вошь.
Он сам отыщет тебя и спросит – зачем живешь?
Жизнь один раз дается и нужно прожить ее так,
или там – гласил анекдот, чтобы в мусорный бак
не отправили дети, все сделанное тобой,
слава канализации с ее широкой трубой!
Нечистоты впадают в море. Разум впадает в маразм.
Вместо запаха йода нос воротить от духа миазм.
Ты мыслишь? Ты существуешь? Но мысли-то с гулькин нос.
Стыдно за каждое слово, которое ты произнес.
Туман, туман, тусклый январский денек,
как ты бесполезен, как ты – один-одинок.
чья-то машина не двинется с места, рычит на льду.
Утрамбованный снег желтоватый похож на слюду.
Принц сидит в пивной и плачет у всех на виду.

Все отобранные в летнем обзоре стихотворения вряд ли получится привести к общему знаменателю: здесь и метафизическое осмысление бытия, и военные темы с их посттравматическим эффектом, и постмодернистские игры, и ироничные стихи, и даже стихи-воспоминания со стихами-наблюдениями.

Но главным, перефразируя Бориса Херсонского, остаётся следующее: пока мы помним стихи наизусть, мы побеждаем.

Пока мы пишем стихи, мы живём.